

Яков СЕМЁНОВ

г. Москва

АФГАНИСТАН

Когда эта публикация готовилась к печати, пришла печальная новость – не стало Якова Федоровича Семенова. Незадолго до этого он переслал в редакцию «Севера» свою книгу «Жизнь без черновика», несколько глав из которой мы предлагаем читателю. Уверены, что рассказы из жизни полковника КГБ в отставке, офицера, возглавлявшего штурм дворца Амина, первого директора Национального парка «Паанаярви», члена президиума РОО «Карельское землячество», будут с интересом встречены читателями.

Литературный редактор текста – Лидия Семенова.

В конце августа – начале сентября 1979 года из Афганистана начали возвращаться слушатели из группы «Зенит-1». Загорелые, похудевшие, приехавшие из-за «бугра» офицеры вызывали у нас белую зависть, к тому же некоторые приобрели там кассетники и прочий ширпотреб, который у нас тогда было невозможно купить. В общении с ними многое было непонятно – какие задачи они решали, чем занимались и в какой степени был задействован их оперативный потенциал. В то же время я был поражен после прослушки записи боя с душманами рассказом одного из моих слушателей о том, как падает сраженный пулей человек. Стало понятно, что прошедшие боевое крещение офицеры изменились внутренне и они уже никогда не станут прежними.

Наконец 15 сентября томительное ожидание закончилось. Г.И. Бояринов вызвал меня и объявил, что я с группой офицеров должен вылететь спецрейсом на Ил-76 в Кабул утром следующего дня. Срок командировки – один месяц, вооружение штатное, форма одежды гражданская, документов с собой не брать. Приказы не обсуждаются, просить что-либо, жаловаться на что-то – не в моих

правилах. Офицеры, слушатели КУОСа, мне были все знакомы, поэтому в этом плане у меня вопросов не было. А вот дома было не все благополучно. Жена находилась в больнице. Дочки десяти и двенадцати лет... Что делать с ними, ведь одних не оставишь?! К счастью, я входил в родительский комитет класса старшей дочери Ани и со всеми родителями учеников и классным руководителем у меня сложились хорошие отношения. Позвонил маме Аниной подруги, поделился своими проблемами, и она согласилась приютить детей. Пристроив детей, я помчался к жене в больницу, понимая, что разговор будет сложным. Но моя берегиня понимала, что по-другому я поступить не могу.

На следующее утро к моей группе добавили еще трех сотрудников управления «С» ПГУ и двух специалистов по связи. Вызывал любопытство груз – машина ГАЗ-66, в кузове которой находилось четыре зеленых ящика длиной около двух метров, шириной 60 см и высотой 40 см. Познакомились ближе с попутчиками. Два врача, сотрудник со знанием языка пушту и специалисты по УКВ и КВ-связи. Сотрудник 8-го отдела Управления «С» Василий Степанович Готов отвечал за сопровождение странного груза. Мы, как и принято в нашей среде, лишних вопросов не задавали.

Вылетели с Чкаловского аэродрома. Рейс был сверхсекретный, с остановкой на ночь в Фергане. В ходе общения с экипажем стало понятно, что в официальных документах рейс нигде не фиксировался...

Следует отметить, что обстановка 17 сентября в Кабуле была сложная. Бывший президент ДРА Тараки накануне был смещен со всех постов, и «на престол» вступил Хафизулла Амин. Экипаж и мы это понимали. Посадка прошла благополучно. Грузовик с грузом заехал на виллу №1, тут же вернулся обратно и был погружен в наш самолет, который моментально взлетел и взял обратный курс на север. Потом я узнал, что в четырех ящиках были вывезены из страны четыре министра будущего правительства Бабрака Кармаля.

После столь удачно проведенной операции на вилле было весело и оживленно после напряженных дней, полных тревоги и неизвестности, ведь Хафизулла Амин мог догадываться, где скрываются опальные министры. Теперь же наступило некоторое расслабление, все шумно обсуждали детали проведенной операции, необычной даже для опытных чекистов.

Командиром отряда в те дни был сотрудник 8-го отдела Николай Сурков. Мы были хорошо знакомы по июльской командировке в Фергане. Это умный, спокойный, рассудительный и опыт-

ный специалист, и мне было очень жаль, когда его откомандировали на прежнее место работы.

Несколько дней у нас ушло на знакомство с новой обстановкой. Кабул – типично восточный город, расположенный на высоте 2000 метров над уровнем моря. Опоясанный горами, он производил сильное впечатление своей необычной природой. Высота на всех и на все оказывает влияние, и даже на процесс приготовления пищи. Так, варка мяса занимает гораздо больше времени, поскольку вода закипает при меньшей температуре (сказывается меньшее атмосферное давление). Птицы не взмывают ввысь, как у нас, а сначала падают вниз, а уж потом устремляются в полет. Ближе к декабрю можно наблюдать необычную картину. Гонимое ветром снежное облако натывается на темную горную вершину, оставляет снег на склонах и движется дальше, а вершина становится белой.

По городу протекала река Кабулка, куда стекали все нечистоты, и там же местные жители стирали, купались и брали воду для бытовых нужд. В то же время выделялись районы, где жили достаточно обеспеченные люди на своих виллах со всеми удобствами, включая собственные колодцы. Советский Союз построил в городе два больших микрорайона, не примечательные по своей архитектуре, но сейсмоустойчивые. Позже, в 1983 году, когда я был в краткосрочной командировке в Кабуле и жил в одном из домов советской постройки, произошло землетрясение в 7 баллов по шкале Рихтера, причем было несколько толчков подряд, все здания устояли, хотя ощущения были неприятные.

В столице в то время было довольно спокойно. В стране работало много наших специалистов: врачи, учителя, строители, геологи и др. С нашим участием строились школы, больницы, промышленные объекты, электростанции, дороги. Все это способствовало укреплению доверия афганцев к нашим гражданам (шурави). В те же годы многие афганцы учились в СССР, возвращались на родину высокообразованными специалистами и, конечно, вносили свой вклад в создание положительного образа нашей страны. Мы могли свободно передвигаться по городу на машине или пешком без оружия, соблюдая одно правило – в одиночку в город не выходить. В многочисленных небольших лавочках продавали разнообразный товар, который можно было купить при желании в долг. Были случаи, когда наши сотрудники шили костюмы и рассчитывались только при получении заказа.

Через несколько дней пребывания в Кабуле я попал в поле зрения начальника информационной группы Представительства КГБ Эдуарда

Константиновича Колбенева. Эдуард Константинович опытный аналитик. В сложной политической обстановке ему приходилось готовить для Центра большой объем информации, значительная часть которой ложилась на стол первым лицам. Работая день и ночь сам, он искал специалистов по отдельным направлениям оперативной работы, чтобы в Центре было полное представление о внутренних тенденциях в политической жизни Афганистана.

Мы познакомились, я обрисовал ему сферу своей научной деятельности и предложил методику сбора информации о противнике в вооруженной борьбе с контрреволюцией. Э.К.Колбенева дал мне полную свободу действий, помогал и советом, и делом. Мне запомнилась его фраза: «Серость не любит серое вещество».

Для начала я поставил в известность командира отряда Суркова, затем разработал методику по сбору информации о состоянии борьбы с вооруженной контрреволюцией и передал ее всем советникам, работающим по линиям КГБ-МО-МВД в Кабуле и провинциях.

Учитывая тему аналитической записки – «Состояние борьбы с вооруженной оппозицией», у меня установились рабочие отношения с Николаем Семеновичем Радулом – советником в Управлении по борьбе с вооруженной контрреволюцией Министерства внутренних дел (Царандоя). Профессионал высшей пробы, прошел всю войну и хорошо знал тактику ведения партизанских формирований в тылу врага. В декабре Радул выступил категорически против ввода советских войск в Афганистан, за что и был досрочно откомандирован в Союз. Я никогда не забуду его напутствия: «Яков, напрасно не суй голову под пули!» Эти слова я вспомнил, когда вел людей на штурм дворца Амина, и, возможно, они спасли жизнь и мне, и многим офицерам моей группы.

В ходе работы над справкой я в группе Радула выезжал в Джелалабад, где мы встречались с губернатором и обсуждали проблемы состояния борьбы с вооруженным противником. Город расположен близко от границы с Пакистаном, на высоте примерно 800 метров над уровнем моря в предгорьях Памира. В памяти осталась прекрасная картина: высокие, до 8000 метров, вершины, уходящие в небеса и наполовину покрытые сверкающим белизной снегом, благоухающие кусты цветущих роз, цитрусовые сады с урожаем на вилле, где мы тогда разместились. Тогда подумал, что такое сочетание девственного снега и цветущих роз и есть настоящий рай. Одноименная провинция граничит с Пакистаном, и здесь как

нигде можно было видеть, как ведется борьба, какие методы и способы наиболее эффективны. По дороге на Джелалабад остановились у ГЭС Найроби, построенной с помощью СССР, обсудили существующую систему безопасности и внесли свои предложения, направленные на устранение выявленных уязвимых мест. Следует напомнить, что эта электростанция является важным источником поступления электроэнергии в Кабул.

Руководитель Представительства КГБ Леонид Павлович Богданов торопил меня, видимо в Центре не хватало информации для принятия взвешенного решения. Я, взяв период с марта по октябрь 1979 года, обрабатывал обширный материал по всем провинциям и по стране в целом, нередко информацию приходилось просто «выбивать» из сотрудников. К середине ноября аналитическая справка на 25 страницах печатного текста с приложениями в графическом виде была готова. На графике можно было четко видеть, что активность бандформирований во время сбора урожая практически равна нулю, в связи с этим напрашивался один вывод – в вооруженную борьбу втянуто сельское население. Количество активных штыков я определил примерно в 60000 человек. Буквально через несколько дней примерно такие же цифры назвали наши источники, работающие по посольству США. Эти цифры не совпадали с отчетами наших военных советников, поскольку увеличение вооруженных сторонников оппозиции шло в минус всей их работе, и поэтому они преуменьшали цифры.

Л.П. Богданов поблагодарил меня за проделанную работу. Позднее, со слов Александра Лазаренко, мне стало известно, что мой документ попал на стол к Ю.В. Андропову и в какой-то степени повлиял на принятие решения о проведении специальной операции в Кабуле.

В сентябре, октябре и ноябре в Афганистане происходили серьезные политические изменения. Несмотря на противодействие руководства Советского Союза, Хафизулла Амин не оставил бывшего президента страны Нур Мохаммада Тараки в покое, и он был задушен подушкой в середине октября.

В Кабул между тем прибывали все новые группы КУОСовцев, которые в конце ноября – начале декабря размещались на трех виллах. А.К.Поляков, командир отряда «Зенит», хотел отправить меня домой в конце ноября, как ему казалось, в виде наказания за мою независимость, чему я на самом деле был бы тогда очень рад. Подготовка аналитической справки без его участия и его подписи казалась ему чуть ли не кощунством с

точки зрения субординации и устава! Он не мог или не хотел понять, что быть в подчинении не значит быть глупее начальника. Я, конечно, ощущал негативное отношение к себе со стороны Полякова, но не обращал на него никакого внимания. Буквально накануне мне передали слова А.К.Полякова об отмене приказа об отъезде.

Неприятный осадок от общения с командиром отряда у меня оставался долго. Тем не менее я продолжал трудиться в Представительстве КГБ, теперь мои обязанности расширились и я должен был проводить инструктивные беседы с сотрудниками Представительства, выезжающими в провинции. В то же время продолжал работать над инструктивными документами для афганских силовых структур, ведущих борьбу с вооруженной контрреволюцией. Мне нравилась работа, баклуши бить было некогда, время летело быстро, и его катастрофически не хватало...

Начало декабря. Всем ясно, что обстановка сгущается, становится все более и более тревожной. Строгая конспирация не позволяла нам толком ничего понять, но все косвенные признаки указывали на грядущие серьезные события.

12 декабря на виллу прибывает машина с двумя офицерами, которые передали устное распоряжение Полякова следовать на военный аэродром Баграм. Прибываю в Баграм. Там уже находится Юра Чекулаев, сотрудник 8-го отдела Управления «С» – он же заместитель командира отряда, с которым мы проводили сборы резервистов в Фергане в июле. Здесь же в Баграме уже находилось большинство офицеров отряда «Зенит». Разместили нас в больших армейских палатках, которые постоянно отапливались печкой, поскольку на дворе декабрь и в Афганистане в это время морозы дают о себе знать. В неразберихе командир отряда забыл про питание офицеров, и мусульманскому батальону, расквартированному тоже в Баграме, пришлось поневоле быть гостеприимным. Толчая, сутолока – мне все это было знакомо еще по проведению масштабных мероприятий в Москве. Но здесь было иное. Здесь пахло порохом и смертью.

Юра Чекулаев объявил мне, что я командир группы, в моем подчинении 20 офицеров. И я должен явиться на доклад к заместителю командующего ВДВ ВС СССР генерал-лейтенанту Николаю Николаевичу Гуськову. Ну, думаю, началось... При чем здесь ВДВ?! Какой доклад?! О чем?!

Нехорошее предчувствие меня не обмануло. Захожу, вижу того самого генерала, который в Фергане был на плацу и проводил смотр мусульманского батальона. Докладываю:

– Майор Семенов по вашему приказанию прибыл.

Он в ответ:

– Доложите план действий по объекту «Дуб».

Вот тебе раз. Какой такой «Дуб»?! Первый раз слышу. Отвечаю вопросом на вопрос:

– А что такое объект «Дуб»?!

Генерал был изумлен.

– «Дуб» – это условное название дворца в центре Кабула, где находится резиденция Амина! – резко и громко рубанул он и замолчал, думая, что я все отлично знаю и просто прикидываюсь и не хочу говорить.

Отбросив робость, я поставил вопрос ребром:

– Чтобы доложить план действий, мне необходима подробная информация о дворце и какие силы непосредственно придаются мне.

Только после этого Н.Н. Гуськов понял, что я действительно не в курсе дела... Очевидно, кто-то сказал генералу, что чекисты готовы действовать и им лишь нужна поддержка мусульманского батальона. Что касается меня, то, видимо, на роль командира такой группы претендовал кто-то из руководства отряда, но в последний момент струхнул, не захотел лезть под пули и, не передав мне никакой информации, бросил меня на «ржавые» гвозди. И такое может быть в нашей жизни, когда возникают опасные ситуации с риском для жизни. Уж больно странная несогласованность проявилась в тот момент в связи с моим назначением на место командира группы «Зенит» на основном объекте «Дуб».

Генерал пояснил, что в мое распоряжение поступают следующие силы и средства: рота мусульманского батальона, взвод 9-й парашютно-десантной роты, взвод АГС-17, взвод ЗСУ-23-4. Мне стало понятно, что настало время серьезных действий, некогда рассуждать на тему, кто прав, кто виноват, в отсутствии информации об объекте боевой атаки. Гуськов поставил задачу к вечеру раздобыть всю необходимую информацию и все же представить план действий. Задача поставлена, и первым делом я должным образом опросил переводчика Нурика Курбанова, который находился в Кабуле уже четыре месяца, неплохо знал город и даже был в этом дворце.

С его слов стало понятно, что имеющих у нас сил недостаточно для штурма. Дворец охраняло более двух тысяч хорошо обученных гвардейцев. Вокруг здания – высокая металлическая ограда. У центральных ворот – два танка, которые были расположены так, чтобы в случае чего не дать любой технике проникнуть на территорию.

Поговорил с работниками Представительства КГБ. Они примерно объяснили, что находится внут-

ри дворца и где могут находиться первые лица государства. К вечеру, набросав примерный план, я пошел вместе с командиром приданной мне мусульманской роты на доклад к генералу. Бодро доложил обстановку, план действий, рассказал о танках и о возможных вариантах их подавления с помощью «Шилок» (зенитно-ракетных комплексов, которые могли работать и по наземным целям).

Я не мог понять главного – о какой внезапности этого штурма можно говорить, если до цели 60 километров и предстоит прорваться через четыре блокпоста, а затем по тесным улицам миллионного Кабула выйти в центр города и атаковать дворец! Фактор внезапности надо исключить однозначно. При соотношении нападающих и обороняющихся один к двадцати – дворец охраняло более 2000 отлично подготовленных гвардейцев – можно ли надеяться хоть на какой-то успех?! Ответ явно отрицательный. Следовательно, думал я, наша атака является лишь элементом некоей неизвестной нам стратегической задачи. С этой мыслью я и жил, правда, никому об этом не говорил.

Весь следующий день 13 декабря прошел в организационных мероприятиях по подготовке к операции, я расспрашивал и анализировал получаемую информацию, ближе знакомился с офицерами, распределял их по подгруппам и боевым машинам, уточнял схему охраны объекта, отрабатывал вопросы взаимодействия с приданными мне силами.

Вечер и ночь перед штурмом прошли в каком-то тумане. Получили полный боекомплект: пять рожков с патронами к автомату и по три гранаты. Спали на раскладушках, в одежде, не снимая обуви, в обнимку с автоматами. Ночью повернешься неудачно и чувствуешь, что под боком что-то твердое, а это, оказывается, граната закатилась под бок. Так прошла ночь перед штурмом.

14 декабря в 15 часов 30 минут поступила команда на выдвижение. Я довел задачу до подгрупп. В первой машине старшим был назначен Нурик Курбанов, поскольку он знал город и только он один среди нас владел языком дари. Вдруг ко мне подходит Юра Чекулаев, заместитель командира отряда «Зенит», и требует посадить Курбанова в другой экипаж. Очень жестко, как я это умею, когда речь идет о деле, посылаю его ко всем чертям. Сам сел в третью машину. Точно не помню, записей не вел, но около 16:00 все офицеры были распределены по боевым машинам и уже начали выдвижение, когда последовала команда «отбой». Как позже нам стало известно, оказывается, Гуськову позвонил генерал армии Варенников и отдал команду вернуть все

подразделения в исходное положение. Чуть позже поступила команда от начальника Генерального штаба ВС СССР об отмене всей операции.

Что же тогда случилось на самом деле? Леонид Павлович Богданов, руководитель Представительства КГБ СССР в Афганистане, в своих воспоминаниях объясняет приказ об отмене штурма тем, что попытка отравить Амина (что должно было произойти параллельно со штурмом) не удалась. Вроде как на стол, по обычаю, подали кока-колу в графинах и отравляющее вещество в таком напитке не сработало.

Как бы то ни было, Бабрак Кармаль и его правительство, которые ждали своего звездного часа в Баграме, вынуждены были вернуться в Советский Союз и ждать лучших времен. Лично мне кажется, что даже в случае удачного исхода с отравлением Амина шансов на взятие дворца у нас не было никаких.

Прошло не одно десятилетие, и при обращении к событиям давно минувших дней возникает один и тот же вопрос – кто принимал решение на столь авантюрные действия в середине декабря 1979 года? Как пишет Александр Андреевич Ляховский в своей книге «Трагедия и доблесть Афгана», главный военный советник в Афганистане генерал-полковник С.К. Магомедов позвонил министру обороны Д.Ф. Устинову 14 декабря: «Товарищ министр, у меня нет сил для решений такой задачи, очень мало сил. Мы не выполним задачу». В ответ Устинов сказал: «Вы что, товарищ Магомедов, трусите там?» Главный военный советник твердо стоял на своем.

Точно так же заместитель командующего ВДВ Н.Н. Гуськов в разговоре с Устиновым высказал сомнение в целесообразности проведения операции имеющимися силами. Однако все же команда на боевые действия поступила.

Так все же кто настоял на применении силы? Мне кажется, это было руководство КГБ СССР, и прежде всего Б.С. Иванов, которого Бабрак Кармаль убедил, что в стране у него достаточно сторонников и он способен взять власть в свои руки. Эта уверенность подкреплялась информацией, полученной от афганских источников и отраженной в аналитической справке Вячеслава Павловского (офицер «Зенита»). Однако, к великому сожалению, и афганские источники, и Бабрак Кармаль выдавали желаемое за действительное, когда утверждали, что мы сами справимся и возьмем власть в свои руки, что на нашей стороне подполье и широкие народные массы. Данный факт следует отнести к минусу работы разведки и Представительства КГБ.

Как показали события 27 декабря, только через

три дня после проведения ликвидации Амина «здоровые силы Афганистана», так тогда в советской печати называли сторонников Бабрака, вышли из подполья и получили оружие из рук зенитовцев (оружие было заблаговременно завезено на наши виллы).

Получив передышку, я решил провести визуальную разведку объекта «Дуб». Нашел транспорт, попросил у одного из офицеров гражданскую одежду и без документов прикрытия, без знания языка и не имея даже плана города отправился в Кабул, несмотря на напряженную обстановку после событий 14 декабря.

Я медленно обошел дворец по периметру, стараясь максимально запомнить все детали. Обратил внимание на примыкающее к дворцу солидное, хорошо охраняемое здание. Когда вернулся в Баграм и переговорил с сотрудниками резидентуры КГБ, понял, что это генеральный штаб афганской армии.

В тот же вечер на встрече с Н.Н. Гуськовым доложил о проведенной визуальной разведке, о том, что к дворцу примыкает хорошо охраняемый объект – здание генерального штаба, и предложил уточненный план штурма дворца. Генеральный штаб предложил взять штурмом сразу после взятия дворца. Получил одобрение генерала: «Молодец, думающий командир».

После событий 14 декабря Амин, почувствовав опасность для жизни, переехал в ныне широко известный дворец Тадж-Бек. 17 декабря вслед за Амином мусульманский батальон и группа «Зенит», имея на то согласованное разрешение, выдвинулись в район дворца Тадж-Бек. Сам марш лишь отдаленно напоминал марш-бросок, подвела техника, приехало два или три раза останавливаясь из-за проблем с бронетранспортерами. Представляю себе боевую обстановку, когда дорога каждая минута, иначе эффект внезапности может быть сведен к нулю, а значит, и операция обречена на неудачу.

Разместили нас в недостроенных казармах. Полы цементные, окна вставлены не везде, в комнатах свободно гуляет ветер. Я на правах первопроходца увидел рядом с казармой, на холме, небольшую постройку вроде украинской мазанки. Поднялся на холм, оказалось, что это по сравнению с казармой комфортное, чистое и теплое помещение. Кроме того, оттуда хорошо просматривался дворец и подходы к нему. Разместил свою группу на приглянувшемся мне холме. Рядом заняли удобную позицию две наши «Шилки»...

С 17 до 22 декабря у меня были ежедневные встречи с руководством операцией. Командир отряда Поляков был исключен из процесса, что-

бы избежать эффекта испорченного телефона. Иногда на таких совещаниях присутствовал и командир мусульманского батальона майор Халбаев. На одном из совещаний я насчитал семь генералов: генерал-полковник С.К.Магомедов, генерал-лейтенант А.А.Власов, генерал-лейтенант В.А.Кирпиченко, генерал-майор милиции А.М.Косоговский. Фамилии остальных генералов запомнил. Руководил совещанием генерал-лейтенант Борис Семенович Иванов.

Как всегда на этих совещаниях, все вопросы в конечном итоге сводились к одному – что делать с главой государства в случае его захвата? Ни один из генералов ни разу не сказал мне, что Амин должен быть ликвидирован, хотя по вопросам было понятно, какого ответа они ждут. Естественно, и я отвечал уклончиво, буду действовать исходя из складывающейся обстановки, но Амин никуда не уйдет. Такие ответы нравились не всем генералам...

На одном из совещаний получил на руки радиостанцию воки-токи, были установлены позывные: Иванов Б.С. – 1; Богданов Л.П. – 2; Магомедов С.К. – 3; Власов А.А. – 7; генерал-майор милиции Косоговский А.М. – 11; майор Семенов Я.Ф. – 12. На объекте «Дуб» были установлены такие кодовые слова: «шторм-333» – выход на операцию; «зарев-555» – вышел к объекту; «ураган-666» – приступил к операции; «буря-777» – веду бой; «штиль-888» – задание выполнил; «тишина-999» – сопротивления нет.

Дворец Тадж-Бек располагался на высоком, поросшем густым кустарником крутом холме, куда вела одна-единственная дорога, охраняемая круглосуточно, и, чтобы попасть к парадному подъезду на машине, надо было проехать круг по серпантину. С торца к зданию вела узкая лестница, по которой моей группе предстояло атаковать дворец. Чтобы добраться до лестницы, надо было преодолеть три крутых подъема, каждый высотой не менее пяти метров, две пологие площадки по два метра. С этой же стороны был въезд на серпантин вокруг дворца, располагались казарма (примерно 20 гвардейцев), дот с крупнокалиберным пулеметом, с противоположной стороны был выставлен пост. В самом дворце постоянно находилось около двухсот гвардейцев. В расположенных в шаговой доступности от дворца трех казармах дислоцировались около 2000 вооруженных гвардейцев. Стены дворца были способны сдерживать удары авиации.

При таком соотношении сил внезапность становилась важным фактором успеха операции, и я по-прежнему настойчиво искал любую возможность для получения информации о дворце (охрана, внутренний план, энергоснабжение, связь и все то, что

дало бы возможность тщательно спланировать действия группы в здании). Не помню, кто из резидентуры дал мне план половины второго этажа дворца, который значительно облегчил принятие решения. Кроме того, я установил круглосуточное наблюдение за дворцом, благо наша мазанка находилась на горе. В то же время приходилось решать и насущные хозяйственные вопросы в интересах своей группы (главным образом питание, физическая подготовка, боевая подготовка). 20 декабря под «легендой» моего дня рождения мы отметили профессиональный праздник – День чекиста, на который пригласили В.В. Колесника и О.У. Швеца (оба из ГРУ Генштаба МО СССР), прибывших для непосредственного управления мусульманским батальоном. Душевно посидели в дружеской обстановке. Наша «легенда» вскоре была ими раскрыта, но добрые отношения, сложившиеся именно 20 декабря, способствовали позднему решению боевой задачи.

Так, через неделю, 27 декабря, Василий Васильевич Колесник скажет мне, что потерь при штурме не избежать, и обозначит их цифрой в 40 процентов. К сожалению, он оказался прав. Он, кстати, посоветовал мне сесть в БТР к левому борту, что я и сделал.

19 декабря в Кабул прилетели Ю.И. Дроздов, начальник Управления «С» 5 ПГУ КГБ СССР, и Э.Г. Козлов, сотрудник того же Управления, куратор КУОСа.

Отношение Юрия Ивановича ко мне в целом я считаю добрым. Вспоминается случай, когда мы оба уже были уволены со службы. Я пришел к Юрию Ивановичу, он подарил свою книгу «Нужная работа» и подписал: «Уважаемому Якову Федоровичу Семенову – одному из самых первых афганцев-каскадеров, которому автор обязан многим, с признательностью и большой благодарностью». Теплые слова, но меня поразило другое, а именно то, что он спросил меня, не нуждаюсь ли я в деньгах. Я поблагодарил и отказался, хотя именно в тот момент и испытывал определенные материальные трудности.

Как пишет Богданов в своей книге, руководитель операции генерал-лейтенант Б.С. Иванов не очень дружелюбно отнесся к появлению Дроздова в Кабуле. 24 декабря он направил его в недостроенные казармы и поручил руководить штурмом. Трудно сказать, чья это недоработка, но связь с Б.С.Ивановым оставалась по-прежнему только у меня, и Юрий Иванович оказался вне игры в самый ответственный момент – взятия дворца.

23 декабря в Кабул прибыла группа «Гром» (из «Альфы») с командиром майором Михаилом Михайловичем Романовым. Офицеры группы отличались своей спортивной подготовкой, среди них были

призеры чемпионатов Европы, СССР и общества «Динамо» по боксу и борьбе, а главное, они притерлись в составе боевых подразделений при решении практических задач. Я быстро сошелся с Мишей Романовым, и наши добрые, дружеские отношения пошли на пользу дела при штурме дворца. При обсуждении плана штурма я и Романов договорились, что будем действовать вместе. Главное и принципиально важное при этом было не допустить взаимных потерь. Установили пароль-отзыв «Яша-Миша». «Миша-Яша» распределили зоны ответственности подгрупп во дворце и порядок зачистки помещений.

По нашему плану «Гром» выдвигается и уходит влево на серпантин, наш «Зенит» идет следом и атакует дворец с торца. В это время «Гром» по серпантину поднимается к дворцу. Собрав обе группы у фасада, начинаем зачистку помещения с целью найти самого Амина. Мусульманский батальон участия в зачистке дворца не принимает. Многие офицеры этого батальона обижаются, когда им напоминают об этом, но факт остается фактом, задача батальона была доставить группы «Зенит» и «Гром» к дворцу и не допустить подхода афганцев со стороны казарм.

Этот план мы с Мишей обсуждали неоднократно и договорились действовать согласно ему, кто бы из руководства что ни говорил.

25 декабря, чтобы максимально усыпить бдительность руководства гвардии, был организован дружеский обед. В ходе общения до руководства гвардии было доведено, что личному составу нашего батальона необходимо постоянно тренироваться, совершенствовать тактическое мастерство и не надо обращать внимания на передвижения техники.

Однако события 27 декабря показали, что «дружеский» обед не размагнитил бдительность афганских гвардейцев...

Под легендой поиска места для встречи Нового года мы – Романов, я и еще два офицера из его группы – сделали вылазку 26 декабря в элитный ресторан, откуда хорошо просматривалась вся территория вокруг дворца. Оказалось, что ресторан облюбовали офицеры гвардии и устроили там наблюдательный пост, они долго и настойчиво на ломаном русском языке задавали каверзные вопросы о цели посещения ресторана, и нам с большим трудом удалось отвязаться от них и благополучно вернуться в казармы.

Вечером 26 декабря мы вдруг увидели на горизонте яркую вспышку. Как потом выяснилось, это разбился наш военно-транспортный самолет с тем самым экипажем, с которым я прилетел в Кабул. Жаль ребят, пусть земля им будет пухом!

День 27 декабря 1979 года начался буднично, но в 15:00 Ю.И. Дроздов вызвал меня и Михаила Романова и устно поставил задачу на штурм дворца.

Слова генерала были простые, не было киношных «слушай команду» и тому подобное. Приказ выглядел как просьба: «Ребята, не подведите!» Он знал, что посылает нас на верную смерть, кто-то уже не вернется с задания. Никаких карт, планов, бумаг – только слова, слова. Мы доложили план действий, который Дроздов одобрил. Он сказал, что в штурме будут участвовать Асадулла Савари (будущий заместитель премьер-министра страны) в группе «Гром» и Саид Мохаммад Гулябзой (будущий министр МВД) в моей группе. Кроме того, в экипаж четвертого БТРа «Зенита» включен Г.И.Бояринов. Много лет спустя на встрече ветеранов Учебного центра СВР Голубев Александр Титович (тогда сотрудник ПГУ, позднее генерал-лейтенант, непродолжительное время возглавлявший СВР), который как раз и должен был находиться в этой боевой машине, рассказал, что он уступил свое место Г.И. Бояринову после его настоячивых уговоров. Кто тогда мог знать, что он напросился на свою смерть.

Я сразу же спросил у Юрия Ивановича: «Что, Григорий Иванович – мой начальник? Как поступать, если он начнет вмешиваться в наш план действий?»

– Действуй по своему плану и не реагируй ни на чьи указания.

Чтобы окончательно избежать лобового столкновения при руководстве операцией, я предложил направить Г.И.Бояринова на узел связи во дворец. Это предложение было одобрено. Эвальд Козлов напросился в машину Миши Романова.

На этот раз я решил идти в атаку на первом БТРе, взял с собой переводчика Курбанова и Саида Мохаммад Гулябзоя. Казалось бы, по всем канонам военной науки командир не должен идти на штурм первым и тем самым подвергать риску исход боя, но я тогда рассуждал по-другому и действовал по принципу: командир впереди и остальные должны следовать его примеру. Средства связи в группе отсутствовали, а для связи с руководителем операции Б.С.Ивановым только у меня была радиостанция воки-токи. В ходе подготовки операции, еще до прибытия группы «Гром» и Ю.И.Дроздова, были распределены радиостанции, отработаны кодовые слова, означающие начало операции, ее ход и названия объектов. Очевидно, по этой причине у меня не было прямой связи с Ю.И.Дроздовым и он не мог влиять на ход боя во дворце. Он получал информа-

цию от В.В.Колесника, который управлял действиями мусульманского батальона.

Итак, готовность номер один. Выпили по граммულке положенные фронтовые, с трудом добытые в посольстве. По совету фронтовика Бояринова не закусывали, так как любые ранения на сытый желудок переносятся сложнее. Мы в боевых машинах в бронезилетах, касках, без документов, в афганской форме и со славянскими лицами готовы идти вперед!

Первые же минуты штурма сломали весь наш тщательно подготовленный план. Дроздов направил «зенитовцев» на штурм первыми, хотя группа «Гром» по плану должна была идти впереди, поскольку броня у БМП по сравнению с БТР была мощнее и по времени обе группы смогли бы атаковать дворец почти одновременно. Я с первой подгруппой на БТРе попал на открытом пространстве под шквал огня из крупнокалиберного пулемета. Этот огонь нес смерть, но нам удалось проскочить в мертвую зону у нижнего яруса дворца с перебитыми колесами. Вторая машина была подбита и сгорела (а ведь в ней должен был находиться я). Погиб Боря Суворов, командир подгруппы, остальные получили ранения разной степени тяжести. Суворов, офицер из Омска, хороший спортсмен, первоначально был включен в состав другой группы на другом объекте, где не было жертв. Он неоднократно подходил ко мне с просьбой взять к себе, и я не устоял, теперь же, вспоминая события тех дней, я корю себя за мое решение. В третьей машине контужено два офицера. «Шилки» поливают дворец огнем, снаряды отскакивают от стен прямо на наши головы. Вижу, только через несколько минут появляются БМП «Грома», за ними наш четвертый БТР.

Позже я спросил Юрия Ивановича Дроздова:

– Кто изменил план действий?

– Я, – ответил он.

Попытка выйти к дворцу с торца сразу не удалась, поскольку пулемет не давал поднять головы. В память врезались уже навечно пули – шаровые молнии, летящие из жерла крупнокалиберного пулемета на расстоянии всего метров 15. Я их и сейчас, как тогда, вижу. Вокруг сплошные автоматные очереди, «Шилки», ведущие беспрерывную стрельбу по зданию, их снаряды, отскакивающие от стен прямо на нас, временами гулкие выстрелы гранатометов – все это было похоже на ад. У торца быстро подавили очаг сопротивления группы гвардейцев. Я снова бросаюсь вперед и наверху лоб в лоб сталкиваюсь с Мишей Романовым и Эвальдом Козловым. Без слов, стреляя на ходу, бежим к центральному входу и врываемся

на первый этаж. К этому моменту наши ряды уже значительно поредели. Те самые проклятые 40 процентов потерь убитыми, тяжело и легко ранеными, о которых предупреждал В.В. Колесник.

Увидел среди офицеров Бояринова (он погибнет через несколько минут), успел ему улыбнуться и, действуя как некий заведенный механизм, бросился наверх, на второй этаж. Потом выяснилось, что к тому моменту Миша Романов уже был контужен и не двигался.

За мной устремились и другие офицеры. Никто не кричал «За Родину!» или что-то подобное. Все происходило так, словно для нас это было обычное дело, повседневная работа.

В моей группе оказались офицеры «Грома» Виктор Карпунин, Саша Плюсин, Виктор Анисимов, Сережа Голов, Эвальд Козлов. Тут сработало то, что офицеры «Грома» уже знали меня и, глядя на мои уверенные действия, решили, что я наверняка знаю, где находится Амин. Если бы это было так!

Стрельба не затихала ни на улице, ни в здании. На узкой лестнице, ведущей на второй этаж, перед самой площадкой все залегли. Виктор Анисимов, лежащий рядом, просит гранату. Киваю головой. Лежим вплотную, ему удобнее было взять у меня гранату в подсумке и бросить, чем мне самому. Виктор осторожно берет гранату, бросает, за ней вторую. Обе попадают в дверную филенку, отскакивают и медленно катятся на нас. Еще немного, и быть беде. Но, к счастью, ковер на полу замедлил их движение, и они рванули на площадке в метре от нас. Осколки разлетелись во все стороны, и при этом зацепило Сережу Голова.

После взрыва гранат выскакиваем на площадку. В это время к нам подтянулись «зенитовцы» из моего экипажа – Нурик Курбанов и Саша Карелин, которые уже прочесали второй этаж с торца. Не останавливаясь, устремляемся в противоположную сторону и действуем по отработанной схеме: гранаты, автоматные очереди.

Вдруг слышим истошный женский крик: «Амин, Амин!..» Врываемся в коридор, и я вижу справа, у барной стойки, лежит мертвый человек в полосатых трусах и белой майке, очень похожий по фотографиям на Хафизулла Амина. Недалеко от него в углу женщина и дети (как оказалось, жена Амина с детьми). Для опознания трупа вызываю Гулябзоя, который лично знал Амина. Он подтвердил, что этот человек и есть Амин.

Докладываю по радиации Б.С. Иванову:

– Главному конец. Имею с нашей стороны погибших и много раненых.

В ответ приказ:

– Отступайте!

Приказ удивил, и я не стал спешить с его выполнением. Вся операция заняла около 45 минут...

Примерно через час после моего доклада Б.С. Иванову во дворец прибыл Ю.И. Дроздов, и уже с этого момента все дальнейшие действия во дворце проходили под его непосредственным руководством. Ночь прошла в боевой обстановке. Тут и там раздавались выстрелы, продолжалась зачистка помещений дворца. Группа офицеров пыталась безуспешно найти документы, которые указывали бы на тайную связь Амина с американскими спецслужбами.

Утром следующего дня Эвальд Козлов и я перевезли семью Амина в расположение нашей казармы и передали их членам нового правительства Афганистана. При этом запомнился прискорбный факт – на наших глазах погиб весь боевой расчет мусульманского АГСМ от прямого попадания миномета гвардейцев роты Востротина. Эти потери связаны с невероятной остротой обстановки, их невозможно было избежать, но было очень больно и обидно за элементарное отсутствие координации в действиях ГРУ и ВДВ.

После полудня 28 декабря Эвальд Козлов сел за руль «мерседеса» Амина и мы, Ю.И. Дроздов, Олег Швец, Василий Колесник и я, поехали в наше посольство. Там уже обо всем знали и тепло нас встретили, оказывая всяческие знаки внимания. Возвращались поздно вечером. По дороге к дворцу нас остановил выставленный десантниками патруль и потребовал назвать пароль. Я наугад назвал цифру, и мы благополучно миновали пост, но буквально через двести метров были обстреляны другим постом. Только услышав громкий русский мат, гвардейцы прекратили стрельбу. Результатом обстрела стали несколько пулевых отверстий на машине в районе радиатора. Василий Колесник взял у патруля БМП, в который пересели Дроздов и Швец, а Козлов и я остались в «мерседесе» на буксире у БМП, и в итоге все благополучно доехали до казарм. До глубокой ночи снимали стресс и говорили на разные темы.

Я с трудом все же смог поздней ночью за рулем уазика подняться по серпантину на гору (дороги как таковой не было), отдать ребятам подарки и рухнул спать.

29 декабря все «зенитовцы» вернулись на свои виллы. В тот же вечер шумно отметили наступающий Новый год. Руководство строго-настрого предупредило нас о сохранении в тайне всего, что произошло в эти дни в Кабуле. Были запрещены любые записи, дневники и песни, которых уже было немало написано на афганскую тематику, в ко-

торых иногда косвенно, иногда прямо рассказывалось об участии спецназа КГБ СССР в приходе к власти Бабрака Кармаля. Но тяжело утаить шило в мешке, офицеры не спешили отдавать свои творения, а техника позволяла записывать и размножать порой неплохие по содержанию, но, главное, с душой исполненные песни. Я же, начав писать дневник в те дни, остановился и к теме Афганистана вернулся спустя тридцать лет.

Еще с неделю мы куролесили по Кабулу, забирались в какие-то трущобы, закоулки, где невозможно было не то что проехать на машине, пройти нормально пешком. Но необходимо было дать разрядку организму, сбросить адское напряжение последних дней, и этому никто уже нам не мог помешать.

События 27 декабря изменили мою психику, отношение к жизненным ценностям. Внешне я остался, как мне кажется, тем же Яковом, которым был раньше, но внутренне таким, каким был до боя, я уже никогда не буду. Для постороннего человека афганский синдром непонятен, а люди, прошедшие через кровь и пули, меня прекрасно понимают.

Тогда, на следующий день после штурма, 28 декабря мы решили, что ежегодно будем встречаться 27 декабря в 15:00 на Ленинских горах в Москве. Эта традиция сохранилась и по сей день, правда, ряды наши редуют с каждым годом. В 1980 году не было законов об общественных организациях, и мы, несмотря на противодействие руководства, собирали по пять рублей и рассылали посылки с продуктами семьям погибших.

Через два или три дня Ю.И.Дроздов вызвал меня и попросил оценить действия офицеров во время боя. Пытаясь дать объективную оценку в бою отдельным офицерам, кто проявлял, мягко говоря, медлительность во время штурма, я получил замечание от Юрия Ивановича, который подчеркнул, что это был для всех первый бой и об этом нельзя забывать.

Говоря в целом о «зенитовцах» в этом бою, можно выделить группу отчаянных и смелых. Один из таких – Володя Рязанцев, который получил сквозное пулевое ранение бедра правой ноги, сам себя перевязал и продолжил бой. Саша Новиков, тяжело раненный в живот, не терял бодрости духа и как мог поддерживал других раненых.

Все офицеры были награждены государственными наградами разного достоинства. У меня хранится копия телеграммы-молнии нашего руководства к Ю.В. Андропову, в которой около двадцати человек, поровну офицеры «Зенита» и «Грома», представлены к званию Героя Советс-

кого Союза. Там была и моя фамилия. Потом список сократили до семи. Я опять вошел в него.

В итоге звание Героя Советского Союза получили трое: Г.И.Бояринов (посмертно), сын адмирала Эвальд Козлов и внук генерала Виктор Карпукhin. Много лет спустя, когда я был в Академии ФСБ по делам у А.И.Цветкова, я прочитал в чекистском кабинете представление на Козлова о присвоении ему звания Героя Советского Союза, где было написано, что он при штурме командовал группой. Какой?! Никто не знает! Конечно, такая несправедливость меня поразила. По мне, пусть бы писали что угодно, но зачем же подменять людей, топтать историю?..

На второй день после штурма меня вызвали на опознание погибших. Надо признать, процедура довольно неприятная и видеть погибших товарищей, которых ты хорошо знал, – тяжелая психологическая нагрузка. Прежде всего чувствуешь ответственность, почему не уберег, думаешь, что сказать родным и близким – сын (муж, брат, отец) погиб смертью храбрых, – но ты-то сам живой. Когда я бывал на похоронах моих товарищей, погибших в Афганистане, ничто не вызывало большего сострадания, чем слезы матерей.

Возвращение на родину было запоминающимся. Взлетев в Кабуле, мы сделали посадку в Ташкенте, где к нам посадили раненых офицеров из «Зенита» и «Грома», некоторых под капельницами. В голову лезли самые бредовые мысли, одна из которых была следующая: авиакатастрофа позволила бы избавиться от свидетелей сверхсекретной операции, по крайней мере, отодвинуть появление информации о ней на неопределенное время. В Чкаловском приземлились поздно вечером, нас ожидала более чем скромная встреча: машины скорой помощи и автобусы до объекта. Сдали оружие, и заместитель начальника курсов нам объявил, что отвезти в Москву не может, так как нет транспорта. Я выругался и заявил, что пойду пешком. Через пару часов все же нашли автобус, и нас развезли по домам. Так встречала страна своих героев.

Какие выводы можно сделать из успешно проведенной операции? Мы с честью выполнили задачу, и я попал в историю специальных операций как командир группы «Зенит», несмотря на попытки некоторых генералов замолчать этот факт, фальсифицировать историю. Мы сильны задним умом, как говорят в народе, но я и тогда, и тем более сейчас обязан сказать о следующем. Вот некоторые выводы.

Главное внимание при проведении такого рода операций следует уделять подбору членов группы и их подготовке к действиям на аналогичных

объектах. К учениям 1978 года была подготовлена группа из 14 офицеров, которые вошли в отряд «Зенит», но на мою настойчивую просьбу включить их в состав моей группы я получил отказ, и только Володя Рязанцев оказался у меня.

Например, американские спецназовцы при подготовке операции по бен Ладену, имея уже боевой опыт, два месяца отрабатывали тактику действий на макете, специально выстроенном в США. Обама лично принимал решение по операции и в режиме онлайн через беспилотника отслеживал ее ход.

Проведение такого рода операций предполагает тщательную проработку всех деталей материально-технического обеспечения. В нашем случае можно назвать немало, казалось бы, мелочей, которые могли бы оказать серьезное влияние на ход операции. В качестве примера могу назвать отсутствие фонариков. Если бы освещение во дворце отключили, то неизвестно, как бы закончилась вся операция.

Если в операции задействованы различные структуры, то, очевидно, должен быть создан на это время и соответствующий орган. Как может заместитель командующего ВДВ генерал-лейтенант ставить задачу преподавателю КУОС ВКШ КГБ майору?

Конспирация при подготовке операции не должна быть помехой для координации действий различных силовых структур.

Цели и задачи операции должны быть доведены до исполнителей в четкой форме и задокументированы.

Отношение к участникам операции. После операции Обама собрал всех участников на базе в США, поблагодарил за успех и каждому пожал руку. Фидель Кастро, встречая кубинский спецназ после выполнения сложных задач в Анголе, всегда встречался с личным составом и оказывал соответствующие почести.

К сожалению, в нашей стране было другое отношение к боевым офицерам, прошедшим Афган. В первые годы даже похороны погибших проходили «по-тихому», и только через год после ввода войск стали хоронить с почестями, но без упоминания слова Афганистан. Отношение у многих государственных чиновников к «афганцам» скорее пренебрежительное, чем уважительное. Фраза «Мы вас в Афганистан не посылали» стала крылатой в устах бюрократов.

На этой грустной ноте приходится заканчивать воспоминания о штурме...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИРОДНЫЙ ПАРК «ПААНАЯРВИ»

Всмутное время конца 1991-го и 1992 годов родная Карелия протянула мне руку, и я вернулся, правда, всего на три года, в Карелию, причем в родные северные края. Это случилось благодаря чудесно связанным между собой случайным событиям. Однако все по порядку.

На следующий день после моего дня рождения, в феврале 1992 года, я звоню Альберту Евглиевскому и ставлю вопрос конкретно: ты вчера не смог быть у меня, значит, я сейчас еду к тебе!..

Сидим, разговариваем о новых временах, и в это самое время ему привозят зарплату и отпускные (первая случайность). Я сразу беру Альберта в оборот – самое время навестить Карелию. Долго уговаривать не пришлось...

Наступил день «X», накануне 23 февраля (поезд отправлялся в час ночи) сели в вагон, уложили скромный багаж и отнюдь не скромное количество пива, водки для друзей по КУОСу и перед отправлением поезда вышли на перрон. Вижу, в наш вагон садится Виктор Николаевич Степанов (вторая случайность), руководитель Республики Карелия.

Утром выхожу из купе после долгой ночной беседы с Альбертом и встречаю Виктора Николаевича. Я вежливо поздоровался и почему-то сразу завел речь о карельском лесе, мол, доколе мы будем продавать финнам кругляк, когда же сами наладим переработку древесины? Виктор Николаевич внимательно выслушал мою тираду в защиту карельского леса и поддержал разговор. В конце разговора Степанов предложил подвезти нас на машине до гостиницы, чем я был поражен, ведь только познакомились – и такая любезность...

Прошла зима. Утром 21 мая 1992 года мы едем со Светой на дачу, в киоске не оказалось газеты «Известия», и, наверное, второй раз в жизни покупаю «Российскую газету», в которой было опубликовано решение правительства РФ о создании на севере Карелии национального природного парка «Паанаярви» (третья случайность).

– Света! – закричал я. – Это же почти на моей родине!

Я пишу письмо В.Н. Степанову, напоминаю о встрече в поезде, добавляю автобиографию и заканчиваю патетической фразой: готов служить в деле становления парка в любой должности. Проходит месяц или полтора, получаю приглашение на собеседование в Законодательное собрание

Республики Карелия к А.А. Кучко (депутат Заксобрания, которому было поручено найти директора). Он сообщил, что я должен пройти конкурс после собеседования с мэром района.

Мэр Валерий Алексеевич Панов принял меня дружелюбно, расспросил о прошлом и, конечно, о том, как я себе представляю будущую работу. Состоялась обстоятельная беседа, и в итоге он пожелал мне удачи и победы над моими соперниками в «битве» за директорское кресло. Забегая вперед, скажу, что, уже будучи директором, я находил у него понимание в решении вопросов районного масштаба.

В конечном итоге я прошел конкурс. Опять в моей жизни появилась вроде бы случайно цепочка событий, которая привела меня на мой любимый Север, и одним из главных звеньев этой цепочки оказался Виктор Николаевич Степанов. Он был, без сомнения, яркой фигурой на политической арене страны тех лет. Будучи народным депутатом Верховного Совета, он постоянно участвовал в бурных дискуссиях, но никогда не позволял себе выходить за рамки приличия или оскорблять оппонента. Встав у руля Карелии, он проявил дальновидность, не стал устраивать «парад президентов», а свой пост назвал председателем правительства республики. Во время его руководства Карелией, а это был период развала страны, краха прежней экономики, различных дефолтов, доходы в бюджет республики от лесной промышленности были больше, чем в «стабильное» нынешнее время. Я был свидетелем его усилий по открытию контрольно-пропускного пункта в Суоперя – Кортисалми в Лоухском районе, что дало возможность возродить традиционные исторические и культурные связи между северными районами Карелии и Финляндии.

Человечность Виктора Николаевича хорошо подчеркивает такой факт. Республику посетил командующий сухопутными войсками генерал армии В.М.Семенов. Семенов рассказал о бедственном положении известного конструктора автомата М.Т. Калашникова. Степанов сразу же подготовил соответствующее письмо на имя Ельцина, в котором изложил суть проблемы и способы ее решения. Получив положительную резолюцию, Степанов до конца отследил ход реализации его предложений, и в итоге Михаил Тимофеевич Калашников стал генерал-майором, ему были улучшены жилищные условия, жизнь налаживалась. Конструктор и до сих пор не знает, кому он обязан такими крутыми поворотами в его судьбе.

3 февраля 2012 года я встретился с В.Н. Степановым в торгпредстве России в Хельсинки, на праздновании 60-летия торгового представителя России в Финляндии Виктора Александровича Шлямина.

Находясь в Финляндии, я несколько раз обращался к В.А. Шлямину по вопросам, связанным с деловым сотрудничеством НПО им. Лавочкина и Финского метеорологического института. Он – государственный, умело ведущий и отстаивающий интересы нашей страны в Финляндии, пользующийся уважением и доверием со стороны крупных предпринимателей и высокопоставленных чиновников Финляндии.

Среди приглашенных были и В.Н. Степанов, и Эйно Сиурауйнен – бывший губернатор в Оулу, ныне консультант по инвестициям в северных районах Республики Карелия. Между нами завязался оживленный разговор о делах минувших и настоящих, вспомнили о туристическом проекте «Северное кольцо», к которому, как оказалось, интерес с финской стороны не пропал. Суть этого разговора позже я передал Н.Н. Зайкову, депутату Законодательного собрания в Карелии от Лоухского района.

Я, когда уже был директором национального парка, в чрезвычайных случаях напрямую обращался к Виктору Николаевичу и всегда получал поддержку. Наши отношения сегодня можно назвать товарищескими.

Итак, с ноября 1992 года я – директор национального природного парка. В решении правительства РФ было написано: «... Для сохранения уникальных природных комплексов озера Паанаярви и бассейна реки Оланги, использования их в природоохранных, рекреационных, просветительских и научных целях – учредить национальный природный парк «Паанаярви». Парку отводилось 103,3 тысячи гектаров. Все необходимые организационно-технические мероприятия для создания полноценного природного парка должны были быть завершены к 1994 году. Итак, цели поставлены, сроки определены – дерзай, директор!

Приехал в поселок городского типа Пяозерский, который расположен вдали от крупных населенных пунктов на Северо-Западе Республики Карелия. Край озер и сосновых лесов. Строго на восток от него, в ста километрах, районный центр – поселок городского типа Лоухи. К нему идет грунтовая дорога, лишь изредка покрытая асфальтом, из-под которого на выбоинах торчат стволы деревьев (что изумляет иностранцев, почему мы такие расточительные?!).

На западе – в шестидесяти километрах граница и пункт упрощенного пропуска Суоперя – Кортисалми. Понятие «пункт упрощенного пропуска» означает возможность вывоза здесь древесины за границу и пересечения границы физическими лицами по разрешению Управления пограничных войск по Северо-Западному пограничному округу.

Если ехать на юг от поселка по грунтовой дороге километров шестьдесят, то прибудешь в старинное

село Калевала, где стоит погранотряд. На север до ближайшего населенного пункта Алакуртти, это уже Мурманская область, около 150 километров. Вот такой медвежий угол на севере Европейской части России. Деревня, где я родился, рядом, всего в тридцати километрах на юг от поселка.

Остановился в местной гостинице. Директором Пяозерского леспромхоза был Александр Хяюрюнен. Директор в таком поселке, как медведь в тайге, царь и бог. Я с самого начала занял жесткую, независимую позицию и дал понять директору, что на территории парка он уже не хозяин.

Сразу после назначения меня на должность в финской региональной печати появилась заметка карельского корреспондента, в которой рассказывалось о том, что я бывший полковник КГБ. Сначала я удивился столь откровенной публикации, но потом понял, насколько она облегчила в последующем мою работу и налаживание деловых контактов с финскими партнерами.

Поскольку слухи о создании национального парка будоражили как местное население, так и соседей по ту сторону границы, где проживает немало выходцев из бывших хуторов на озере Паанаярви, то я не удивился, что буквально через несколько дней ко мне уже начали обращаться финны. Первыми ходками оказались братья Вираниеми, построившие базу отдыха, с предложением взять на себя эксклюзивное право продажи путевок на посещение парка за границей. Их база расположена на берегу озера Ципринга, и самый короткий путь проезда на нее пролегал через территорию вновь созданного парка. Я отказал, поскольку понимал, что такой договор лишил парк основной прибыли от продажи путевок, и предложил финнам покупать обычный билет на посещение парка, что позволит им проезжать через парк на базу «Ципринга».

Самое для меня удивительное произошло при встрече со следующим зарубежным гостем. Однажды вечером ко мне в номер заходит финн с переводчиком из числа жителей поселка и представляется: «Кимо Никонен из Куусамо, занимаюсь туризмом, хотел бы сотрудничать в этой сфере». Я перешел на финский язык, который основательно подзабыл. Разговорились, и когда Кимо сказал, что навестил в Софпороге (это километров 20 от Пяозерского в сторону Лоухи) родственницу Евдокию Никонову, я с нескрываемым удивлением его перебил, сказав, что Евдокия – младшая сестра моей бабушки. Кимо замолчал, долго смотрел на меня и чисто в северной манере, без эмоций, спокойно сказал: «Бывает же».

Эта встреча оказалась значимой для родственников с обеих сторон границы и положила начало для общения, которое продолжается и поныне.

Кстати, не без помощи Кимо Никонена был организован визит в наш национальный парк директора национального парка «Оуланка» Кайно Карьялайнена. Парк «Оуланка» был создан в 1956 году, его территория составляет 27 тысяч гектаров, и он непосредственно примыкает к финско-российской границе там, где с нашей стороны расположен парк «Паанаярви». В ходе общения с Кайно у нас установились дружеские отношения, и в дальнейшем эти отношения способствовали и нашим деловым связям. Уже в январе 1993 года, будучи с ответным визитом в Куусамо, я подписал договор о намерениях, в котором были освещены все вопросы возможного сотрудничества, и который помог становлению парка «Паанаярви».

Первый выезд в Куусамо был очень важен для меня. Мне показали там все: визит-центр, домики по маршрутам движения туристов, домики рыбаков, костровища. Все сооружения на территории парка сделаны из сухостоя, фактически использовался материал, уже негодный в мебельной или целлюлозно-бумажной промышленности, но экологически чистый, имеющий запас прочности на десятилетия. Я не раз ночевал в таких домах уже в нашем парке, и если уткнешься в стену из сухостоя носом, то гарантирован сон младенца.

Посещаемость финского парка – 60-70 тысяч человек в год. Нам явно было чему поучиться у коллег. Вернувшись в Пяозерский, я сразу объявил своим сотрудникам, что все постройки, любые сооружения в нашем парке по качеству и красоте должны быть не хуже, чем у соседей.

Соседство с опытными специалистами по ту сторону границы, дружеские личные отношения с ними сразу же позволили нашему парку стать лидером среди российских национальных парков по международным связям, и это лидерство я сохранил до конца моего директорства.

В центральном клубе при мэрии Куусамо была организована встреча с жителями Куусамо, главным образом выходцами из хуторов с берегов Паанаярви и Тааваярви. Зал был полон, в основном это были люди преклонного возраста. Я еще слабо говорил на финском и часто обращался к переводчику, но уже одно то, что я пытаюсь говорить на их языке, настраивало аудиторию на хороший лад. Я коротко рассказал о себе, о планах парка на будущее, о режиме на территории парка, при этом подчеркнул, что посещение могил родственников или просто родных мест будет для финнов бесплатным. Была заметна одобрительная реакция зала. Такой настрой помог растопить холодок недоверия ко мне как к бывшему полковнику КГБ и наладить деловые контакты с финскими предпринимателями.

После посещения парка «Оуланка» я попросил финского коллегу направить к нам бригаду из трех-четырёх человек, чтобы они обустроили костровище. В мае 1993 года финны приехали, и наши егеря воочию увидели всю технологию и оценили качество работы. В дальнейшем в Финляндию отправились наши сотрудники в таком же количестве. Начало было положено, и впредь на территории парка мы все работы проводили на таком же высоком качественном уровне, как и наши соседи. Добрососедские отношения с парком «Оуланка» не ограничивались взаимными визитами, нам были переданы бесплатно бывшие в употреблении импортный снегоход, компьютерная техника (что в то время было дефицитом, да и стоило дорого для нашего скромного бюджета), автомобиль «Жигули» четвертой модели.

Вечер встречи с родственниками, которых собралось не менее двадцати человек, был трогательным. Долго выясняли степень родства, для простоты стали называть друг друга двоюродными братьями и сестрами. Все родственники оказались по линии отца. Надо сказать, что у меня есть родственники в Финляндии и Швеции и по линии матери, с которыми связь не установлена и по нынешний день.

Буквально через год я помог всем желающим родственникам посетить их бывшую родную деревню (сейчас там только покосы) в двадцати километрах от поселка Пяозерский, и там, на земле предков, я видел слезы, которые могли растопить любое черствое сердце. У меня с некоторыми родственниками сложились вполне дружеские отношения, которые мы поддерживаем и сейчас.

Я много времени проводил в Финляндии, и у меня к стране сложилось свое отношение. На вопрос, как там живут финны, я отвечаю: «Не богато, но достойно». Финляндия – страна, продвинутая в экономике, образовании, спорте, медицинском обслуживании... В стране практически отсутствует коррупция. Хорошие дороги, метро без турникетов. Отношение финнов между собой и к иностранцам доброжелательное, культура поведения, чистота и порядок на улицах и многие другие вещи очаровывают любого иностранца. Финны по-разному относятся к России, но в основном это отношение доброе. Они любят русские песни, особенно старшее поколение...

К весне 1993 года в парке работали уже 25 человек, несмотря на маленькие зарплаты. Зарплата выдавалась своевременно, что по тем временам было уже достижением. Я открыл валютный счет, на который стали поступать марки от финс-

ких туристов, и при направлении сотрудников парка в Финляндию на стажировку появилась возможность выплачивать небольшие командировочные в валюте. В результате такой политики, несмотря на низкую зарплату, к нам на работу уже стояла очередь и появилась возможность выбора. При подборе кандидатов я прежде всего обращал внимание на знание финского языка, навыки проживания в лесных условиях, умение водить машину и управлять маломерными судами, желание работать в парке, добросовестность, физическое состояние.

Второе направление в работе – это обеспечение финансирования и создание материально-технической базы. В 1993 году удалось пробить финансирование, и мы начали строительство двух двухквартирных домов из бруса, а на территории парка развернулось строительство домов из сухостоя для рыбаков по финским технологиям. Приобрели две машины типа «фермер», четыре моторных дюралевых лодки, весельные лодки. Парк крепко становился на ноги.

Я понимал, что на этапе становления парка важной задачей является подготовка и утверждение положения о парке. Общий подход и типовые положения были известны, но следовало в практическом плане четко, на основе рекомендаций ученых, установить дифференцированный режим охраны парка с учетом местных природных, историко-культурных и социальных особенностей. Предварительно были обозначены зоны заповедного режима, познавательного туризма и регулируемого рекреационного использования. В ходе выделения зон дифференцированного режима пришлось пройти массу согласований, и эту часть работы провели ученые московского института. На скудные средства парка я вывез двух специалистов этого института в Финляндию в соседний парк «Оуланка», и с учетом опыта соседей нам удалось значительно ускорить подготовку необходимых материалов. В итоге разработанное мною «Положение о национальном парке» было утверждено в мае 1993 года, на его основе парк функционирует и сегодня.

К середине 1993 года работали практически уже все службы. Был поставлен жесткий заслон браконьерству.

Территория национального парка является очень привлекательной для финнов. В этих краях жил и творил знаменитый финский художник Аксели Галлен-Каллела, все финны знают его знаменитые картины «Паанаярвский пастушок» и «Черный дятел», созданные в наших краях.

В конце августа 1993 года границу в районе парка пересекла группа высокопоставленных финских чиновников. Около десяти человек в ранге министров и заместителей министров. Прибыли они на два дня и намерены были немного отдохнуть и встретиться с руководством Карелии. Делегацию от Карелии, тоже около десяти человек, возглавил И. Александров.

Встреча на границе была теплой. Летим над озером Паанаярви на вертолете МИ-6 от границы до базы Ципринга, и в это время наши новенькие парковые катера внизу рассекают гладь озера. Я с гордостью показываю вниз, объясняя, что эти катера только вчера были доставлены в наш национальный парк.

На базе Ципринга, где остановились и гости, и хозяева, уже был приготовлен праздничный стол. Я посмотрел на состав нашей делегации и был приятно удивлен тем, что в нашей делегации почти все люди были в погонах, действующие или в отставке. Там я познакомился с полковником Владимиром Егоровичем Проничевым, начальником ОВО погранвойск, и полковником Николаем Платоновичем Патрушевым, начальником управления ФСБ по Республике Карелия...

Не забуду, как несколькими годами позже 28 июля «Альфа» праздновала юбилей в Кремлевском Дворце съездов, на котором присутствовали тогда еще директор ФСБ В.В. Путин, начальник Управления собственной безопасности Н.П. Патрушев, начальник Управления «В» В.Е. Проничев. После праздничного концерта приглашенные на фуршет поднимаются на пятый этаж, где уже накрыты столы, все ждут Степашина, тогдашнего председателя правительства РФ, которому осталось править два дня. Я нашел себе место с друзьями из «Альфы» и оказался напротив В.В. Путина и недалеко от В.Е. Проничева и Н.П. Патрушева. Мне не терпелось напомнить бывшим «карелам» об их визите в национальный парк, и, выждав некоторое время, я подошел теперь уже к генералам и скромно предложил выпить за Карелию. Отказа не последовало.

Я продолжал налаживать деловые контакты с финнами, главным образом с теми бизнесменами, которые ранее проживали на территории парка. Меня интересовали разнообразные бизнес-проекты наших соседей, которые можно было легко, без больших капиталовложений реализовать в Лоухском районе. В результате родился проект «Лола». «Лола» – судно (одновременно на нем могло разместиться до пятидесяти человек), которое мы завезли с территории Финляндии по договору. В договоре указывалось, что финский предприниматель за прогулки на «Лоле» по озеру

Паанаярви может брать деньги только с финских граждан. Наши граждане вносили оплату в кассу национального парка.

В августе 1994 года финны организовали коллективное посещение бывших хуторов на берегах Паанаярви. Мы, со своей стороны, пригласили принять участие в мероприятии самодеятельный хор старинного карельского села Кестеньга. Девчата исполняли карельские и финские песни. Красавица «Лола» вместила всех: и гостей, и хозяев – и шла под российским и финским флагами, как будто говоря: дружите, люди, и все будет хорошо.

Отдельная история связана с моими попытками вернуться к проекту «Нуорунен», связанному с самой высокой горой Карелии (высота 557 метров). Финский предприниматель Ахо, основатель горнолыжного центра в соседнем Куусамо на горе Рука, в свое время пытался организовать подобный центр и на Нуорунен, вложив в этот проект несколько миллионов марок. Но дело затормозилось.

С мыслью о реанимации проекта я нашел Ахо, пригласил его посетить парк, и в течение пяти дней он вместе с двумя сыновьями был гостем нашего парка. Ахо – богатый человек даже по российским меркам, но он неприветлив в быту и демократичен в общении, мне было с ним приятно и просто общаться. Складывалось впечатление, что он просто мечтает об отдыхе вдали от цивилизации, без комфорта, с пищей на костре и сном в рыбацком домике.

Я попытался склонить его к участию в возобновлении проекта строительства горнолыжного центра на горе Нуорунен в случае получения одобрения правительства Республики Карелия. Ахо сразу же отверг идею участия, но, к моей радости, согласился быть консультантом, а уже это дорогого стоит. Я думаю, встреча прошла в дружеской обстановке, и свидетельством тому является факт, что он вписал меня в список лиц, которые обслуживаются в горнолыжном центре Рука бесплатно. Через 6 лет, будучи в Куусамо, я воспользовался этим правом. К сожалению, мой отъезд в Москву прервал все переговоры по этому проекту, а ведь этот центр мог бы стать локомотивом для развития туризма в северной Карелии.

Я пробовал инициировать активность жителей поселка и по другим направлениям. В частности, на севере Карелии имеются богатые возможности для рыбозазведения. После моего визита в Финляндию на завод по выращиванию мальков я договорился, и финны были готовы бесплатно выделить определенную квоту этих мальков для наших предпринимателей. Но, увы, все мои усилия привлечь кого-то из числа местных жителей,

чтобы развить этот бизнес, оказались напрасными. Точно так же безрезультатно закончились мои попытки найти людей на обработку полудрагоценных камней, которых, по моему убеждению, немало в отвалах рудников бывшего Чупинского рудоуправления. Причем я уже предварительно договорился с финскими специалистами в этой сфере, которые могли обучить наших граждан буквально за копейки.

Последняя поездка в Финляндию в качестве директора парка состоялась в марте 1995 года. В ней принимали участие и два министра Республики Карелия. На конференции мне было приятно услышать при оглашении итогового документа теплые слова в мой адрес.

Если подвести краткий итог моей работы в это тяжелейшее время для всех бюджетных организаций, то картина выглядит следующая: построено два двухквартирных жилых дома со всеми удобствами и приусадебными участками, приобретено здание бывшего магазина площадью более 1000 квадратных метров (здесь мы разместили офис и склады), две машины «УАЗ-фермер», четыре дюралевые лодки, отечественные снегоходы «Буран», не помню точно, два или три.

На озере Паанаярви курсировал комфортабельный катер, который мог перевозить до 50 пассажиров одновременно. В парке было построено пять домиков рыбака по финской технологии и две бани. Благодаря дружеским отношениям с ру-

ководством финского парка «Оуланка» парк стал лидером среди национальных парков России в развитии международных отношений.

Мне удалось практически всех работников парка направить в Финляндию на стажировку. Я думаю, что результаты моей работы удовлетворительные, даже при самой строгой их оценке.

В финансовом отношении я, конечно, много потерял, поскольку в столице бурно развивался охранный бизнес, и многие мои сослуживцы сумели найти нишу и заработать немалые деньги. Я же в качестве директора национального парка приобрел неоценимый опыт финансово-хозяйственной деятельности, который мне пригодился в дальнейшем, да и сама должность оказывала влияние при устройстве на работу.

Общение с природой, близость родной деревни, возможность бывать на Плотине, где прошло мое детство, – все это вдохновляло и наполняло мою жизнь энергией. Даже и то, что наконец были найдены родственники в Финляндии. А когда я увидел слезы на лицах пожилых людей при посещении ими с моей помощью родных мест, я понял, что только ради этого стоило приехать на Север.

□

Яков Федорович СЕМЕНОВ (1939–2017)

родился на севере Карелии,

окончил Петрозаводский государственный университет.

Кандидат юридических наук,

доцент, полковник КГБ в отставке.

Первый директор Национального парка «Паанаярви».

*Член президиума РОО «Карельское землячество»,
член правления общественной организации ветеранов
спецподразделений органов госбезопасности «Вымпел».*

*Награжден орденом Боевого Красного Знамени,
афганской медалью «За отвагу», другими наградами,
в том числе именованным оружием.*

